

Babkina O. Democratic policy as an imperative of contemporary global development

The article reveals the contradictory essence of politics in today's global development. Defined features and value of democratic politics, its spiritual fulfillment. Introduction of mechanisms of democratic politics provides for the implementation of the principle of separation of powers, amendments to the Constitution of Ukraine, the reform of the electoral system, strengthening institutions and new forms of citizens' rights. Particular attention is paid to the development and dissemination of non-confrontational policy concept as a social phenomenon, overcoming the prevailing attitude towards it as a struggle or fight for the priorities.

Keywords: politics, democratic politics, spirituality, the imperatives of global development, the separation of powers.

УДК 323.273:94(477)

Варзарь Иван Михайлович,
доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры политических наук НПУ имени М.П. Драгоманова

**ДИЛОГИЯ «РЕВОЛЮЦИЯ – РЕФОРМА» В ТЕОРЕТИКО-
ИСТОРИОЛОГИЧЕСКИХ РЕФЛЕКСИЯХ ТЕКУЩИХ УКРАИНСКИХ РЕАЛИЙ**

В статье концептуально, а не эмоционально интерпретирована несколько забытая с советских времен проблема диалектического соотношения социальной революции и социальной реформы в процессе цивилизационной модернизации страны. Центральная и формообразующая мысль статьи: революция и реформа – не целесообразные средства борьбы за политическую власть, а политические способы организации социальных преобразований. Революция и реформа исследованы в качестве определенно длительных процессов, а не мимолетных актов и ситуативных эпизодов. Из некоего – условно взятого – цикла революций и реформ, апробировавшихся в суверенной истории Украины, для более пристального анализа взяты глубинные политические реформы конца XX – начала XXI вв. и экономические реформы начала 2010-х годов, а также краткостадийные оранжевая и евромайдановая революции, – что бы о них ни говорили легкие на слово публицисты и zaangażированные оппоненты.

Ключевые слова: исследовательская эпистема, историологический метод, кратологема, политическая кратология, политический класс, правящий политикум, политическая партия, политическая реформа, политологема, социальная революция, социальная реформа, теоретический концепт, форма правления, этнополитическая партия.

*Думаем – анализируем,
выносим суждения,
не приговоры*

В статье речь идет далеко не об обыденных, а о реально горячих и горящих материях. Трудно их объять так называемым «холодным разумом». Однако, в меру возможностей, я постараюсь следовать совету экс-Президента Украины **Л.Д. Кучмы**, – излагать эти материи «при свежей голове и без горящих спичек в глазах» [14, с. 119].

**I. Опыт предварительного теоретического зондирования
феноменов революции и реформы**

Политическая история народов, стран, государств периодически сотрясается соотношениями сил и тенденций в координатах диалогии «революция – реформа». Некогда очень актуальный – пусть и несколько однобокий – советский опыт выпячивания революции и оттенения реформы «суперсуверенные» украинские элитники уже в начале 90-х годов XX в. начисто выбросили за борт. И теперь мало кто понимает смыслотекст следующей

коллизии: эти нерядоположные понятия олицетворяют собой *не средства борьбы за власть*, а *способы реализации любых социальных преобразований* в странах любого уровня социально-экономического и политико-культурного развития.

Кстати сказать. Все ли замечают плывущую в извилах перед глазами казуистику: «еврокураторы» Украины последовательно требуют от нас «продолжения начатых реформ по заданным евростандартам», а наши элитники столь же упорно подсовывают им «народную революцию»? Хитрецы они, – и те, и эти. Все ведь должны понять: в транзитной, стихийно бурлящей стране взойти на политикумный пьедестал намного легче на гребне «рукотворной революции», чем в омуте запутанных смыслом и целью «реформ сверху»...

Для простоты изложения и прозрачности стиля прибегну к биологической параллелике. Эти две эссенции – революция и реформа – в диалектическом единстве и конструктивном противостоянии являют собою воплощение *парадокса птичьего яйца*: желток и белок, никогда не смешиваясь, незримым со стороны образом взаимодействуют в дубль-ролях «цель – средство» и «объект – субъект». В результате – новая жизнь, – птенец...

Таковой, в самом общем виде, предстает нашему умственному взору и логика взаиморасположения «революции» и «реформы» в линию историко-эволюционного процесса: успешная революция плавно перерастает в реформу, дряхлая реформа – это преддверие новой революции и т. д. Результативы этого историко-эволюционного процесса переливаются в три сектора всех сфер общественной жизни людей – в их (а) *отношения*, (б) *институты* и в (в) идеологию или во *взгляды* людей на свои отношения и институты [9, с. 245]. Кто этой элементарной материи не понимает, – не называй себя обществоведом, а на практическую работу в политическую сферу не иди!..

Обратим внимание на «уже свершившийся факт»: один из секретов долголетия диалогии СССР – КПСС состоял, хотя бы и отчасти, в том, что на любую правотворческую и политико-исполнительскую работу шли только профессионалы реформистской закалки, а на идейно-надстроечную работу – только профессиональные революционологи... Как далека эта «матрица прошлой жизни» от нашей текущей практики: все управленческие профи (я не о «рулевых», – их ведь избирает теоретически неграмотный народ!) априори называют себя «реформаторами», а на практике зачастую проявляют себя мелкими революционаристами, – ломать легче, чем строить.

А еще у нас мало кто и что четкого и полезного для нас же знает об опыте мышления и практической деятельности неповторимого «революционного реформиста» **О. Бисмарка**. «Реврефдиалектика», – так он именовал современную ему марксистскую постановку проблемы соотношения революции и реформы в «производственных», духовных и «чисто» гуманитарных отраслях жизни. Относительно Германии **Бисмарк** проявился первым европейским «реврефмастером»: в 70 – 80-х годах XIX в. лично разрабатывал теоретические концепции и политическими средствами стремился реализовывать программы до десятка социальных реформ. Этим всем он провидчески и профессионально простимулировал последовательное реформирование огромной страны и приторможение в ней процесса разрушительных революционных потрясений на долгие годы вперед.

II. Эпизоды логического соотношения революции и реформы на политико-суверенном пути Украины

На этом фоне хотелось бы накинуть параллелевый мост от бисмарковских 80-х годов XIX в. в Германии к 90-м годам XX в. в суверенной Украине. К подобному пассажиру – вместо меня – концепт-вступление сделал другой мудрый немец – **Оскар Лафонтен**. В книге «Политика реформ в изменяющемся мире» (1993 г.) он «точечным образом» очерчивал тот же дуалитетный сюжет: «...*Революция* «ввела» Европу в современный цивилизованный мир, а спасти мир от катастрофы может одна лишь *реформа* – спокойная и последовательная, научно обоснованная и перспективно ориентированная, – и только потому эффективно вспахивающая излишне зареволюционизированную во многих странах почву...» [6, с. 69].

Революционизироваться в разноцветьи и в весьма динамичных темпах украинская почва начала еще после первых «реформационных раскованностей» и эволюционных импульсов от горбачевской перестройки конца 80-х годов XX века. В самом деле: идейно-политический плюрализм; многопартийность; свободные политические выборы; информационная гласность; образование, наука и публичное общение – на родном и иностранных языках; этносоциополитическое равенство народов, – эти и другие «перестроечные» политологемы являют собой социопреобразовательские синтезы на гранях и революции, и реформы. С первых же недвусмысленных импульсов к политико-государственной суверенизации Украины революция и реформа стали резонировать чуть ли не постсинхронным образом, – по известной модели **А.-Дж. Тойнби – Л.Н. Гумилева**: «вызов – ответ» («революционное событие/факт – реформационное эхо»). Вот несколько примеров из недавнего прошлого.

«Студенческая революция на камнях» (октябрь 1990 г.) эхом отозвалась не только фактом отставки Правительства **В. Масола**, но и «Заявлением» от 3 сентября 1991 г. группы депутатов социалистической Верховной Рады Украины (**Л.Д. Кучма, И.С. Плющ, И.Р. Юхновский, Ю.И. Костенко** и др.) «Демократические реформы в Украине». В Заявлении профессионально точно обосновывалась «необходимость построения *путем реформ* независимой страны с открытым гражданским обществом, правовым государством, рыночной экономикой и социальной защитой граждан» [6, с. 68]. Напомню: этот знаменательный политико-реформационный документ обнародован за три месяца до принятия памятного «Акта государственной независимости Украины», еще в политико-государственных недрах СССР.

В доконституционные 1994 – 1995 годы из разных регионов и точек геополитического пространства страны в адрес правящего политикума колючей чередой шли антиреформистские и четко пропатерналистские инвективы: дайте нам (а) или демократическую «навсегда» Конституцию, (б) или «хотя бы на время» по-европейски либеральный закон об оппозиции. Большею частью, эти призывы/требования исходили из западноукраинских местностей, геополитически ближе расположенных к Центру и Западу Европы, чем к столичному Киеву.

Тонко и масштабно мыслящий **Л.Д. Кучма** из нелегкой ситуации нашел нешаблонный выход. Да еще, – чуть ли не по **Р. Декарту**: «...На истину натолкнется скорее отдельный человек, чем целый народ» [11, с. 271]. И на этот раз (в ноябре 1994 г.) – апелляция к науке, к интеллекту и разуму людей: в считанные дни – «для теоретического зондирования и проблемы, и политической ситуации» – была организована «инициативно-исследовательская группа» профессионалов различного профиля. На первой же встрече с группой Президент огласил установку: «Ознакомившись с научным состоянием дела, шлите сигналы к разуму и масс, и даже самых фальшивых революционеров, и пусть они сами начинают реформировать свой образ мышления и действия в своей, теперь подлинно независимой стране». (Эти дневниковые записи от ноября 1994 г. в сокращенном виде я опубликовал в августе 1999 г. [6, с. 82].).

На той же встрече **Л.Д. Кучма** аналитическую группу сориентировал в следующем квадрате задач: в пятимесячный срок следовало бы (1) как можно тщательней изучить мировой опыт теоретического осмысления «политико-оппозиционистской проблемы»; (2) подготовить и провести международную научную конференцию по широкой теоретико-практической оппозиционистской проблематике; (3) по этой проблематике разработать законопроект для последующего его представления в парламент на законотворческую легитимацию и, наконец, (4) для широкого массового осмысления проблемы написать «научно строгую на сей счет книгу». В обозначенном квадрате задач на всех этапах я пребывал в гуще дел, сосредоточившись на соавторстве упомянутого законопроекта и на выпуске в свет доселе уникальной по охвату освещения проблемы научной книги [18].

Названные выше пятнадцатилетней давности наработки до сих пор лежат втуне. Особая обида хватает за горло, когда речь заходит об *оппозициологической компоненте концепции политической реформы* в стране. Идеино-теоретическая обскуранция в области этой политологемы сковывает мышление и действия и правоохранителей, и конструктивного большинства в парламенте, и соответствующих звеньев исполнительной власти, а также жутко дезориентирует революционно настроенный на улице народ.

Между двумя «блуждающими точками» – квазиобщественными движениями «ЗаУБК» («За Украину без Кучмы», с весны 1999 г.) и «ЗаУ, заЮ» («За Украину, за Ющенко», до осени 2003 г.) – подспудно и камуфляжно решалась важная коррелятивная революциолого-реформациологическая проблема: для более успешного развития страны, как следовало бы поступать с Конституцией 1996 г., – творчески реформировать в ней *форму политического правления страной* «под кого-то» или «под завтрашнюю модернизируемую страну»? Стержень противостояния сам Л.Д. Кучма объяснил в специальном обращении к народу от 3 марта 2003 г.: – речь идет о «переходе страны к принципиально новой для Украины политической системе – парламентско-президентской» [19, с. 3].

В отточено изложенном законопроекте под эгидой «На всенародное обсуждение» (от 6 марта 2003 г.) и в Специальном Обращении к стране оппозиционерам предлагалась к осмыслению давно апробированная в цивилизованных странах Запада и Востока *линейная политико-кратологическая триада*: а) народ избирает парламент – б) партийные фракции формируют парламентское большинство – в) парламентское большинство формирует правительство [19, с. 4]. Однако оппозиционеры «не заметили» этого реформационистского подарка судьбы, – они готовились к своей революции...

С августа 2002 г. и до марта 2003 г. несколько парламентских комиссий и групп незаангажированных профессионалов ломали копыя вокруг концепта о соотношении двух нерядоположных понятий, – «разделение политических властей» и «распределение полномочий политических властей». Однако, экс-Президент уже тогда вскрыл основную ошибку (может, умышленно и до сих пор подогреваемую «недопонятку»?) тогдашней оппозиции: самое политическую реформу оппозиционеры «понимали, по большей части, примитивно, – как чисто арифметическое перераспределение полномочий, как нечто вроде: забрать и поделить» [19, с. 3]. И все же, именно в такой, дегенеративной форме реформа «блестяще прошла» 8 декабря 2004 года.

На ее основе волевые «заузюки» переместили акценты, – с «вяло текущей реформы» на майдановое выдавливание из народного долготерпения «молниеносной революции». Результаты последней известны. Вчерашние оппозиционеры, ставши властью, революционными методами а) стали зомбировать «маленьких українців» неограниченными возможностями «евростандартизации жизни» в евразийской стране; б) северо- и юго-восточных «обруселых» украинцев стали называть «злодейскими врагами породившей их нации»; в) насилиями над правоохранительной системой замышляли «каскад» досрочных парламентских выборов; г) при всяком удобном случае подручные СМИ/СМК стали объявлять «особой/отдельной ветвью политической власти» и т. д. Диалектика жизни такова, что посеянные тогда отравленные злаки сомнительные урожаи дают уже на полях нынешней «майдановой» революции.

Особо негативной «реформации» стали подвергать *сугубо политическую сферу общественной жизни*. В праксеологике этой проблемы вообще трудно сформулировать даже какое-либо законосообразное умозаключение. Тут просто не действовало (отчасти и до сих пор не действует) никакое законосообразие, – ни научное, ни правовое, ни этическое, – его просто стали подменять *политическим целесообразием*. На государственведческой практике – метаморфозы: технаря-цифирника и врача-педиатра – в вице-премьеры по гуманитарной политике; на законотворческую работу в парламентский комитет по правам человека – сатирического поэта и лирического баритона, в комиссию по межнациональным отношениям – футболиста и артиста комического жанра и т. д.

Я уже не говорю о приевшейся практике поствыборного «коалиционизма» в процессе формирования внутрипарламентских структур (фракций, комитетов, комиссий, групп и др.) и межпартийных правительственных команд. Всем этим «никто» просто нечего делать в политической сфере, – ибо же они ничтожно мало смыслят в содержательных соотношениях революции и реформы. Как бы они сами себя не называли.

III. Немного теории в ретросториологической призме

Диалогия «революция – реформа» как политико-теоретический феномен возник в многосмысловую эпоху религиозно-этической Реформации, в горниле первых буржуазно-демократических революций XVI – XVII вв. в Нидерландах, Англии, Германии и других европейских странах, а также в результате осмысления людьми итогов великих географических и научных открытий на пороге Нового Времени. Однако, далеко не сразу они стали объектом научного внимания и предметом теоретического исследования, – это стало фактом лишь на рубеже XVIII и XIX веков.

Первый добротный материал для анализа представили политический опыт (1) революций сначала в США, а затем во Франции последней четверти XVIII в.; (2) серии наполеоновских войн начала XIX в. (в ходе которых – как бы «попутно» – решались и некоторые революциолого-реформациологические проблемы); (3) серии демократических революций «нового поколения» в середине XIX в. (в том числе и в некоторых западноукраинских землях), получивших романтическое название «весны народов». Наконец, теорию сильно подтолкнул (4) этнообъединенческий опыт ряда стран в 50 – 70-х годах XIX в. (Румынии, Австро-Венгрии, Италии, Германии), когда практически апробировались многие фундаментально значимые и до сегодня революциолого-реформациологические вопросы.

Полоса времени от 1820-х до 1870-х годов отмечена первыми исследовательскими позитивами, извлеченными из анализа революциолого-реформациологического опыта многих на тот момент развитых стран и народов. Обобщенной говоря, можно подытожить и так: теоретическая мысль просвещенного Запада научилась между революцией и реформой видеть «грань не мертвую, а живую, подвижную, – такую, которую надо уметь определить в каждом отдельном конкретном случае» [15, с. 167].

А мы? Когда мы этой мировоззренческой филигранности научимся? Думаю, не скоро. Как по мне, есть тут три обстоятельства политико-психологического характера. *Первое*. Некое бестелесное обожествление «мудрого и толерантного народа, который уже не нуждается в революциях и реформах» и в знаниях об их историческом назначении. Показательны на этот счет два факта. (1) В середине 1990-х годов из школьных и вузовских учебников были изъяты упоминания о революциях и реформах в прежней Украине. Тогда и у учёных остыл к ним интерес. (2) В конце XX в. тихий и смирный историк-правовед представил к изданию брошюру об отношении многих народов мира к революции и реформе. «Оценщики» его сначала обсмеяли, потом подсказали исследовать «народный бунт» в чисто абстрактном смысле, – «только не в нашей стране»; когда же он представил к публикации уже увесистый том по «плебсологии», его просто лишили материальной поддержки к публикации. Не знаю, какой ценою, но ему в 2008 г. книгу все же удалось издать [21].

Второе обстоятельство более сложного свойства. Некие мудрецы примерно одностысячную коллекцию социально-политических революций во всемирной истории разделили на две группы, – на «правильные» (не «плебсологические») и «подлинно народные революции». Между строк признавались также «поддельные революции сверху» [10]. В соответствии с этим, довольно диким взглядом на историю, в украинской политической истории нашли лишь две «правильные революции» и несколько достойных упоминания «простонародных бунтов». На основах подобного «открытия» начались бестолковое охаивание итогов и уроков Октябрьской революции 1917 г. и горбачевской «революционной перестройки», неумные адмиратии в адрес революции 1648 – 1654 гг. под

водительством **Б. Хмельницького**, а также в адрес оранжевой революции 2004 – 2005 гг. под водительством **В. Ющенко**.

Последнее, *третье обстоятельство* – особого политико-информационного свойства. На ранее указанном насквозь ложном патриотизме 4–5 вузов/факультетов языково-коммуникативного профиля ежегодно выпускают две-три сотни – с виду «чистых филологов», которые оседают в аппаратах телеканалов, информационных центров, газет, журналов, электронно-технологических компаний и др. Некоторая часть из них без ложной краски на фотолицах объявляют себя «политологами», «политтехнологами» и «политэкспертами», а еще некая их частичка на всех парламентских легислатурах начала XXI в. оказывается «народными депутатами».

Охаивание революций и реформ – не самый большой их грех. Самым позорным для них является словоблудская трактовка понятия «власть», когда из него начисто изымается компонента *«депутаты-оппозиционеры»* (а ведь они – *представители ветви законодательной власти!*). То же относится и к препарациям с понятиями «украинский народ» и «народы Украины». Если питаться только подобной информацией, – никогда не поймешь, почему «в огне народной революции» сгорел центр столицы и отчего в военно-гражданских конвульсиях ныне корчится вся страна.

IV. Некоторые ретроспективы общемировой теории, рефлексирующей текущие украинские революциолого-реформациологические реалии

В любой исследуемой области жизни на первой же познавательской стадии мы оказываемся «перед необходимостью выяснения того, что собой являет данный предмет, чтобы затем можно было бы заняться теми изменениями, которые с ним происходят» [16, с. 303]. И это не все. Во всемирной саентологии еще со времен **Р. Декарта** доминирует временами плохо понимаемая многими эпистема: предмет любой научной идеи, концепции, теории, – прежде чем «передать практике на апробацию», – его необходимо верифицировать в призме общей методологии научного познания.

Эту эпистему я себе растолковываю таким образом: про «методологию вообще» (или «в общем плане») нельзя говорить, *надо говорить предметно о предмете*. Это четко прояснится, когда «пристрастно допросим» и саму методологию в трикоординатной призме. Иначе говоря, понятие «методология» (науки вообще или конкретного научного предмета) должна ответить на три вопроса: 1) каково принципиальное устройство изучаемого предмета? 2) каков внутренний источник саморазвития изучаемого предмета? 3) какова система взаимосвязей изучаемого предмета с другими предметами и явлениями окружающего мира? [5, с. 124; 9, с. 117].

В этой методологической призме наш познаваемый предмет – диалогия «революция – реформа» – наиболее прозрачно высвечивается в трех концептуальных точках: 1) общая типология революций и реформ как социально-политических явлений, 2) многофазисное самоконституирование революций и реформ как социально-политических явлений и 3) механика развития революций и реформ как продолжительных процессов.

Главным зондируемым теорией вопросом вокруг исследуемого предмета является общая его типология. Всемишленные революции и реформы обобщенно называются *«социальными»*. Те же социальные революции, которые касаются преобразовательских дел в отдельных сферах и отраслях общественной жизни, называются *частными*: экономическая, аграрная, культурная и др. То же касается реформы: политическая, административная, рыночная, этнокультурная и др. Когда же речь идет об общественных делах и проблемах узкоспециальных, – перед нами уже революции и реформы *специфические*: структурная, менеджерская, языково-этноменьшинская, феминистская, инфраструктурная и др. В этой аксиологической призме «мовно-правозахисна революція українських гелсінкських борців» 70 – 80-х годов XX в., а также «студенческая революция на камнях» от октября 1990 г. явно предстают в качестве частных, а «оранжевая революция» **В. Ющенко – Ю. Тимошенко** 2004 – 2005 гг., без сомнения, – специфическая. С более

серьезным основанием социальной называем «евромайдановую революцию» 2013 – 2014 гг., которая продолжается, не обнажив еще всех своих социально-политических черт и характеристик.

Все социальные революции имеют *свою социальную базу*. Это – общественные слои и группы людей, которые объективно заинтересованы в радикальном преобразовании каких-то своих отношений и институтов в соответствующих сферах и отраслях общественной жизни. В процессе развертывания имярек революции/ реформы их социальная база непременно деформируется, – попеременным сползанием *под* или восхождением *над* своей векторной «базовой ватерлинией» (**П.А. Сорокин**) перспективного развития. Эта «колебательская волна» свидетельствует о суживании или расширении объема социальной базы конкретной революции/реформы.

Революции и реформы, созревающие ниже сорокинской «ватерлинии», принято называть «*низовонародными*» или «...снизу». Те же, что созревают выше той линии, а то и вообще «кем-то сверху затеваются», – их называют «*верхушечными*» или «...сверху», а то и оцениваются французским сленгом «*coup d'état*» (государственный переворот). Упомянутые «языково-правозащитная» и «студенческая» революции были верхушечными, а «оранжевая» к своей «верхушечности» добавила четкий акцент французского «*coup d'état*». Революции/реформы, созревшие в самых глубинах народных низов конкретной страны, принято называть *народными*.

В начале XVI в. поднят дуальтернативный вопрос о революции как кратковременном *акте* или длительном *процессе*. Реформация **М. Лютера** экстраполировала эту постановку вопроса и на реформу. Уже в эпоху Позднего Средневековья **Т. Мюнцер** и **Ришелье** презумову подтвердили: и революция, и реформа в конкретных историко-политических ситуациях могут проявиться и актами, и процессами, – все зависит от того, *какого динамического подтипа окажется конкретная революция/ реформа*. Со второй половины XVII в. стали выделять такие *парные антонимические подтипы* революции/реформы: 1) стремительные и вялотекущие, 2) кратковременные и многолетние, 3) протекающие на виду у всех и латентные (скрытые).

Все социальные революции (и некоторые социальные реформы) основными своими предпосылками начинают созревать в недрах старого состояния общества. Первые сигналы «социального брожения умов» – это и есть свидетельства возникновения *революционной/ реформационных ситуаций*, которые, однако, не всегда перерастают в реальные революции/ реформы. Тут-то и встает вопрос: кто/ что есть тому объективная причина? Французские якобинцы конца XVIII в. впервые четко указали на эту причину: секрет, мол, заключен в степени зрелости, мере сплоченности, кадровом объеме, составе и психнастрое «*политической армии революции*». Это понятие впервые – в 1790 г. – применил француз **Л. Сен-Жюст**. По отношению к реформе это понятие впервые применил венгр **Й. Йотвёш** в 70-х годах XIX в. [8, с. 29–30].

В условиях Нового и Новейшего времен политические армии многих революций (1) имели функциональную (нередко: символическую) связь с военно-фронтовым феноменом; (2) отдельные их фрагменты (отряды, структуры) просто являли собой *вооруженные формирования*, а (3) с конца XIX в. политические армии всемыслимых революций и отдельных реформ ферментировали уже *легальные* или *латентные политические партии*.

После референдумно-русского решения в марте 2014 г. «крымского вопроса» все отмеченные военно-партологические характеристики вполне аутентично относятся и к украинской «евромайдановой революции». И, не будучи ни бравурным оптимистом, ни пасмурным прогнозистом, – я могу лишь осторожно предположить, что царящая ныне в стране «революционная многоцветная партийно-политическая мозаика» в определенных обстоятельствах «неизвестного завтра» может метаморфознуть в одно- и многоцветную контрреволюцию.

Вопрос о *соотношении революции и контрреволюции* не нов. Эта политологема – как разновидность философской корреляции «явления – антиявления» – возникла в годы Великой Французской революции конца XVIII – начала XIX века. Упомянутый выше **Л. Сен-Жюст** «обнаружил» этот феномен в коллизиях межпартийных взаимодействий того напряженного времени, назвав его «контрадействующим антиподом революции в стыковых точках межгруппового дисконтакта» [10, с. 30]. В дальнейшем визави-лидеры и группы – носители конструктивных и деструктивных идей (установок, целей, ориентаций) – стали складываться/переплетаться в революционно-контрреволюционные «лаокооновские узлы». В публицистической и научной литературе евролатинских и латиноамериканских стран с тех пор революционеров стали именовать «камарадос», а контрреволюционеров – «контрас».

Сто пятьдесят лет спустя после французов явление обнаружил **Б. Рассел**, придав ему уже «чисто лидерски-партологическое обоснование». Будто заглянув в текущие украинские реалии, он выделил две группы *«партийно-лидерских контрреволюционеров»*. *Первая группа* – это лидерские фигуры, которые считают, что «их собственная политическая партия состоит из хороших людей, а оппозиционная – из плохих». *Вторая группа* – это те контрас, которые «всегда убеждены в том, что хорошее правительство – это правительство только их группы, а плохое – это правительство другой группы» [20, с. 166]. В Украине текущих дней действуют и взаимодействуют те же две группы политических партий, в социопреобразовательском процессе ситуативно проявляя себя то революционно, то контрреволюционно, то лаокооноподобным образом...

Первая группа – это апробированные на политической сцене парламентские партии («Батьківщина», «Свобода», «Удар»), которые – несколько «волнообразно» – выступают под революционно-конструктивными знаменами. *Вторая группа* – это еще полгода тому малоизвестные ультрареволюционные партии («Правий сектор», «Спільна справа», «Українські патріоти» и др.), которые на целно-деструктивных началах *сразу же включились в контрреволюционный процесс*. Довольно рано обнаружила себя их тактическая установка на полное разрушение *управленческой вертикали*: «центр – область – город – район – местность». Уже на конец января с. г. *вторая группа* партий не просто «пришла на помощь» *первой группе*, а полностью устранила ее с лидерских позиций и в стране, и на киевском Майдане.

«Плоды взаимодействия» этих двух групп политических партий – налицо: центр столицы сожжен; разрушены 15 из 25 областных госуправленческих центров; в руинах – система политического правления страной из единого центра; на юго-восточных перифериях бал правит этнополитический сепаратизм; в огромной, ранее считавшейся «супертрудящейся», стране никто не работает, – вследствие чего экономика пребывает на краю дефолтной пропасти.

Анализ мирового политического опыта свидетельствует: на разных *фазах революционного процесса* в одной и той же стране указанные лаокооновские узлы и образуются, и «затягиваются», и «расслабляются» далеко не во всякой обстановке и далеко не с одной и той же силой и динамикой. Ибо же это зависит от (1) степени зрелости социальной базы революции; от (2) меры силы/ бессилия политической армии революции [13, с. 82–85]; от (3) контекста соотношения внутренних и внешних факторов и революции, и контрреволюции [4]; от (4) степени зрелости и меры внутренней консолидированности партийно-политической системы революционизированной страны; наконец, от (5) *фазы зрелости самого революционного процесса* в конкретной стране.

Постановка вопроса о политико-социологическом содержании *понятия «революционная фаза»* имеет интересную в познавательном смысле предысторию. В 1868 г. в эпизодичном интервью по поводу 20-летия серии революций середины XIX в., упомянутых выше под романтическим названием «весна народов», **О. Бисмарк** заговорил о феномене *«многофазисного развития всякой революции»*. Из умозрительского «множества» он выхватил лишь три фазы, на основе чего обрисовал обобщенный образ «среднетипической

трехфазной революции»: (1) первую фазу революции «затевают *наивные романтики*», (2) вторую фазу «расчетливо проводят *профессиональные авантюристы*», (3) в конце третьей фазы «жатву пожинают доселе *скрытые негодяи*» [2, с. 69–70].

Из этой – несколько деликатной – коллизии без подробных комментариев извлекаю лишь *три общезначимые теоретические идеи*: 1) всемыслимые по типу и виду социальные революции не являются одноактными или кратковременными событиями, – все они являются *многофазисными* или *полистадиальными процессами*; 2) все социальные революции должны пройти (однако замечу: далеко не все революции, в том числе украинские, прошли) четыре стадиальные фазы развития; 3) главной и центростремительной во всем процессе является *фаза завоевания политической власти* (или *фаза политической революции*). Подлежащими более широкому трех/четырёхстадиальному рассмотрению в современной Украине остаются лишь две революции – «оранжевая» и «евромайдановая».

Следуя детерминистике общеэволюционного законосообразия, *первой фазой* развития всякой социальной революции считают определенной длительности *период возникновения первооснов будущего общества в недрах старого общества*. Я сюда отношу (1) первоэлементы новых производительных сил, (2) зачатки новых общественных отношений людей, (3) зародыши новых социальных и политических институтов, (4) новые ценностные ориентации гипотетического мировидения грядущих поколений, возрастных и политико-элитных поколений, (5) организационно-кадровые элементы будущих общественных организаций и политических партий и др. [4, с. 35–40]. Таким «нерукотворным» предреволюционным материалом для оранжевой революции оказалось лишь стихийно возникшее движение «Львов – Киев» под сленг-лозунгом «За Украину без Кучмы». Для евромайдановой революции и подобной стихийности не оказалось, – все свелось к «сознательной подготовке организованного взрыва» под лозунгом «Повстань, Україно!».

Вторая фаза – это уже открытая и постепенно самообнаrodующаяся *революционная ситуация*, когда, как писал один классик, «в революцию начинают верить даже самые неверующие» [15, с. 109]. В странах, «созревших для революции», проявления этой веры бывают двоякого свойства, – объективного и субъективного. Переплетаясь и усиливая друг друга, подчеркивал французский политолог **Т. Скокпол**, «эти разносмысловые социореволюционизмы – прямо или косвенно – касаются политического государства, готовя или его свержение, или его радикальное преобразование» [26, р. 96–97].

Объективных да еще позитивных социореволюционизмов в «период подготовки» оранжевой революции почти что не было. Поэтому и сама революция априори оказалась «переворотом сверху». Но то стало явью и истиной позже. Лидерские группы еще будущей революции заранее «взяли ориентир» на субъективацию «подготовительного процесса» под эгидой движения «За У – за Ю» («За Украину – за Ющенко»). Этим революционная ситуация была смягчена. Искусственно сколоченный на иностранные деньги Майдан [1;3] формотворческой, революционизирующей роли не сыграл, чем и был открыт невнятный путь к превращению *фазы политической революции* в некое малозаметное «пунктирное событие».

В стране и за ее пределами все ясней становилось, что в какой-то перспективе целиком возможна новая революция. Уже с первых месяцев 2010 г. стала начинаться новая *революционная ситуация*. Специфика момента проявилась в том, что деструктивы стали последовательно проявляться в трех-четырех смежных сферах общественной жизни страны [9, с. 277]. Наиболее рельефно это было видно в *политической сфере*: «волнообразные» проявления недовольства по поводу «недостатков» и «недочетов» при подсчете голосов на выборах от января 2010 г.; идейно-информационное баражирование фактов взятия под стражу, затем – и судопроизводства над экс-премьеркой и экс-министром внутренних дел; приход страны в хаотическое этносциополитическое движение после

«молниеносно» принятого парламентом 3 июля 2012 г. пресловутого «языкового закона» и др.

В *экономической сфере* «предварительные революционизмы» наиболее заметно стали проявляться вокруг вопроса о «первоочередных реформах по модернизации жизни страны» (март 2010 г.). Правительство **Н.Я. Азарова** из комплекса в 21 «социальную реформу на длительную перспективу» внеконтекстно вырвало шесть реформ, якобы «сулящих наибольший народнохозяйственный и общественно-политический эффект», – налоговую, пенсионную, образовательную, продовольственно-ценовую, медицинскую и коммунально-бытовую. Однако общество недопоняло аргументы правительства и ... пришло в предреволюционное движение. Основными социально-экономическими компонентами последовательно нараставшей революционной ситуации оказались трехдневные сидения «налогового Майдана» (май 2010 г.), «кастрюльная демонстрация» киевских женщин (середина октября 2011 г.), манифестации и шествия военных и черныбыльских пенсионеров (в феврале и июне 2012 г.) и др.

29 ноября 2013 г. провал – по инициативе легитимных Президента и Премьера – церемонии подписания Соглашения об Ассоциации Украины с Евросоюзом явился «точкой перехода количества в качество»: *революционная ситуация переросла в политическую революцию*. С тех пор и до конца февраля 2014 г. все отряды, прослойки и секции политической армии революции по-своему решали *вопрос о политической власти*: ее характер и содержание, структура и конституционный статус ветвей власти, переструктурирование парламента и формирование нового правительства. С тех пор им ничего не остается, как «крутиться» вокруг тех же, решенных/нерешенных предшественниками политических кратологом истинно демократической Конституции. А она-то, Конституция, как однажды колоритно констатировал **Н.Я. Азаров**, «назавжди усем була подарована попередніком», т. е. **Л.Д. Кучмой** [19]. Победившие вчерашние оппозиционеры, ставшие властью, достигают первых успехов и совершают первые ошибки. Страна же пока пребывает в хаотическом движении.

Однако, «главного перехода» процесса развития революции в *социумореформациологическую фазу* не состоялось: как нередко случалось и прежде, в политической истории других стран, народов и государств, креативно-преобразовательные интенции *политико-властной фазы развития* контрреволюционными (внутренними и внешними) силами были встречены в штыки. Перед украинской евромайдановой революцией встала пока неодолимая, но *закономерная задача всякой революции – задача защиты* уже завоеванных креативных рубежей.

V. Заключительные рефлексии

с полей незавершенной революции и неначатых реформ

Всесферная – не только политическая – история народов, стран и государств – это перманентное круговоротное взаимодействие двух динамичных импульсов – «вызова» и «ответа». В аппликации к моей теме эту концепцию **А.-Дж. Тойнби** и **Л.Н. Гумилева** формулирую синтезю: всемыслимые человеческие субъекты – индивиды, группы, партии, сообщества, народы, всевозможные социоэтнические общности и др. – интерпретируют те «вызовы» и «ответы», как правило, в двух формах – в формах революции и реформы. К революционной форме социальных преобразований люди апеллируют довольно редко, а реформами занимаются перманентно. Основной же результат революционно-реформационной повседневной деятельности людей – конкретные модели и уровни социального прогресса, к которому стремились и которого объективно заслужили соответствующие субъект-деятели исторического процесса в конкретной стране. В этом смысле, как считает британский революциолог **Дж. Уоддис**, социальный прогресс «есть медалевое содержание исторического процесса, а революция и реформа – две стороны той медали» [22, с. 471].

Глядя на социально-политические результаты украинской политико-оранжевой «модели модернизации страны» («модель» легитимирована в марте 2005 г.), в адрес любой из правительственных команд 2005 – 2009 гг. вряд ли что-то восхитительного скажешь в тоне шекспировского героя: «Ты хорошо роешь, старый крот!» Оглядываясь же на творимый на наших глазах «евромайдановый образ» страны с конца 2013 г. и до весны 2014 г., – охотней поверишь негативизму **Ж. Жореса**, адресованного «отдельным революциям», которые являли собой «непридуманный образец одного из варварских способов обеспечения прогресса» [10, с. 218]. Это происходит, возможно, оттого, что на нынешнем этапе евромайдановая революция являет собой незавершенный, еще свершающийся феномен.

Образ незавершенной реформами революции впервые проанализировал **К. Каутский** в статье «Славяне и революция» в конце XIX в. Самый по себе теоретический концепт он объяснял тремя «неизвестностями неизвестного завтра»: мол, 1) уже сегодня не известны «мера тверди» основ только что победившей политической революции, 2) «в тумане пребывают» гипотетические метаморфозы элитных групп уже сегодня «рыхлой, пребывающей в эйфории» политической армии вчерашней революции и 3) «даже в принципе» не видны «пунктиры завтрашней внутренней и внешней политической обстановки» [13, с. 88–89]. Я вынужден согласиться с подобной аксиологией и гипотетологией касательно сугубо нашей текущей внутри- и геополитической ситуации. А потому обращусь к другим вариантам рассмотрения концепта «незавершенной революции/реформы».

Одним из вариантов, обращенных почти целиком к «внутренним ресурсам» всякой революции и реформы, может быть *«слитая двусторонность»* тех ресурсов. Она тут выступает в форме *диалогии «народ – власть»*. Вариант можно воплотить в две проективы, – а) *двусторонняя медаль* и б) *двустороннее зеркало*.

В реально протекающем процессе социальных преобразований *одну сторону медали* объективно представляет преобразовывающийся *народ*, а *другую сторону медали* представляет политический субъект-преобразователь – элиты и легитимные (народом избранные или делегируемые им на власть) *властные структуры*. Оглянемся чистым глазом и ответственным разумом на стороны этой медали. В бесконечно позорных ситуациях, когда и народ, и властные чиновники всех иерархий дают/ берут взятки; на всевозможных выборах продают/ покупают голоса (программы, идеи, да что там, – даже целые избирательные округа!); все формы политического участия и демократического волеизъявления, учеба и наука, медицина и санитария и т. д. и т. п., – все и вся – за деньги и «услугу за услугу». Так вот: при подобной коррумпированности всех и вся можно ли говорить о «народе без укора» и о «власти без пятнышка», о «чистой народной революции» и о «безукоризненном воплощении властями народной воли в реформациологические проекты»? Увы! – нельзя. А уже все это говорит о том, что обе стороны той медали безнадежно замутнены, а то и вообще стерты. Во всем этом – бездонный ресурс откладывания «на потом» любых преобразовательских проектов и светлых революционных/реформационных перспектив.

В более щадящем плане медалевая метафора проецирует свой образ на инверс двустороннего зеркала, когда одна сторона адекватно отражает параметры проецируемых предметов, а другая сторона резко искажает все изображения. В этой проективе *одна сторона зеркала* отражает *народ (народонаселение) страны*, перманентно склонного к «вопрошательски-требовательским» отношениям со всеми политикунными лицами и поколениями политического класса, *другая сторона зеркала* отражает фактуру *самого политического класса страны*. Соотношенческие результаты – как на ладони: каковы качественные характеристики революциолого-реформациологических проектов политических властей и в какой мере истинности эти проекты дошли до народа и восприняты им в призме его текущих потребностей и жизненных интересов, – в той же

адекватной пропорции стороны зеркала отражают результаты модернизационных сдвигов в стране.

Так уж повелось в ментальной истории всех зрелых и ныне цивилизованных народов: после мало-мальски крупных социально-политических событий общественное сознание некоторое время отдает аксиологической работе ума, – в попытках адекватно истине ответить на сакраментальные вопросы «Кто виноват?», «Что делать?», «Когда же наступит светлый день?» Ежели кто спросит меня, почему такая «правильная, по-европейски подготовленная» евромайдановая революция привела к неоднозначным последствиям, – я не буду ждать суда наследников и прямо сегодня отвечу, ссылаясь на **Н.В. Гоголя**: «Неча на зеркало пенять...» Ибо же, иначе говоря, выходит так: каков народ, – такова *его социальная революция*; какова *его политическая элита*, – таковы *ее политическая революция* и *затеваемые ею социальные реформы*. Вот такая выходит прямолинейная детерминация!

В силу изложенного дополнительно спросим себя: Возможно ли повторение в завтрашней Украине логики развертывания по горизонтали *триадного цикла «недоделанных» социальных преобразований: «незавершенная социальная революция – невнятно обставленные социальные реформы – новая рыхлая политическая революция»?* Относительно внутренней стороны революционно-реформационного процесса в стране я только что уже ответил (см. выше «медалевые» и «зеркалевые» размышлы): увы! – повторения возможны...

Куда менее прогнозируема внешняя сторона концепта. Боюсь прослыть остракируемым прогнозистом, но отмечу: более четверти века тому назад (1987 г.) я уже отвечал на этот вопрос (хотя и не в аппликации к Украине). Ответ был таков: «Развитие всякой революции «по новому кругу» возможно в той стране (или части ее), которая подверглась внешней интервенции, оккупации и временной реставрации старых порядков, то есть при концентрированном воздействии на нее ряда отрицательных внешних и внутренних факторов» [4, с.65]. Про далеко не фигуральные концентрации открыто контрреволюционных внешних и внутренних факторов на некоторых перифериях сегодняшней Украины (на что ненароком намекает и моя давняя цитата) тут я обойдусь фигурой умолчания.

А пока что основную сюжетную матрицу изложенного материала завершу перифразом одесской пословицы прошлых времен: не дай нам, Боже, и дальше жить в стране объективно незавершенных революций и субъективно недопродуманных реформ!..

Литература:

1. Березовский Б. Мой Майдан Незалежности / Борис Березовский. – К.: БУИ, 2007. – 208 с.
2. Брайович С.М. Карл Каутский: эволюция его воззрений / С.М. Брайович / Пер. с серб.-хорв. – М.: Прогресс, 1982. – 308 с.
3. Бузина Олесь. Революция на болоте / Олесь Бузина. – К.: Арий, 2010. – 288 с.
4. Варзарь И.М. Соотношение внутренних и внешних факторов в процессе развития социалистической революции. Теория и методология проблемы в свете ленинизма / И.М. Варзарь. – К.: Вища школа, 1987. – 270 с.
5. Варзар І.М. Політична етнологія як наука: історіологія, теорія, методологія, праксеологія / І.М. Варзар. – К.: Школяр, 1994. – 224 с.
6. Варзарь И.М. Идеино-теоретические основы государствовосозидающей политики Л.Д. Кучмы (Научно-публицистические очерки о Президенте Украины) / И.М. Варзар. – К.: Українські пропілеї, 1999. – 148 с.
7. Варзар Іван. Держава і народ-етнос в політологічному дискурсі / Іван Варзар / Вибране. – Книга 1. – К.: Фада-Лтд, 2003. – 592 с.
8. Варзар І.М. Проблема співвідношення етноісторичної нації, політичної нації та політичного класу в історії політичної думки Європи Нового та Новітнього часів: теоретико-

історіологічні синтези / І.М. Варзар // Науковий часопис НПУ ім. М.П. Драгоманова. – Серія 22: Політичні науки та методика викладання соціально-політичних дисциплін. – Вип. 1. – К.: Вид-во НПУ імені М.П. Драгоманова, 2009. – С. 22 – 38.

9. Варзар І.М. Політична етнологія: Пропедевтичний курс / І.М. Варзар [Авторський підручник]. – К.: Персонал, 2011. – 354 с.

10. Вебстер Х. Неста. Всемирная революция. Заговор против цивилизации / Х. Неста Вебстер / Пер. с англ. – К.: Серж, 2001. – 290 с.

11. Декарт Рене. Избранные произведения / Рене Декарт / Пер. с фр. и лат. – М.: Мысль, 1950. – 486 с.

12. Кареев Н. Историология (Теория исторического процесса) / Н. Кареев. – Пг.: Тип-я М.М. Стасюлевича, 1915. – 318 с.

13. Каутский К. Путь к власти. Политические очерки о вращении в революцию / К. Каутский / Пер. с нем. – М.: Госполитиздат, 1959. – 150 с.

14. Кучма Леонід. Про найголовніше / Леонід Кучма. – К.: АТ «Книга», 1999. – 351 с.

15. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – Том 20. – М.: Политиздат, 1969. – 468 с.

16. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Том 21. – М.: Политиздат, 1969. – 710 с.

17. Ницше Фридрих. Веселая наука / Фридрих Ницше / Пер. с нем. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – 576 с.

18. Політична опозиція: теорія та історія, світовий досвід та українська практика / Відп. ред. І.М. Варзар. – К.: Реклама, 1996. – 224 с.

19. Проект Закону України «Про внесення змін до Конституції України». – На всенародне обговорення. – К.: Преса України, 2003. – 76 с.

20. Рассел Бертран. Власть. Новый Социальный Анализ / Бертран Рассел / Пер. с англ. – К.: Стэп-К, 1996. – 224 с.

21. Скригонюк Микола. Плебсологія як філософсько-правове вчення / Микола Скригонюк. – К.: ПАРАПАН, 2008. – 764 с.

22. Уоддис Джек. «Новые» теории революции / Джек Уодди / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1975. – 528 с.

23. Чубинский Вадим. Бисмарк. Биография / Вадим Чубинский. – СПб.: Образование – Культура, 1997. – 528 с.

24. Landes D. Richesse et pauvreté des nations / D. Landes. – P. – 2000.

25. Skocpol T. États et revolutions sociales / T. Skocpol. – P. – 1995.

Варзар І. М. Дилогія «революція - реформа» в теоретико-історіологічних рефлексіях поточних українських реалій

Дилогія «революція – реформа», як теоретичний концепт, давно вже покинула сторінки наукових праць. Попри те на поверхні поточної політичної практики ця дилогія «опредмечується» таким неврозумливим чином, що Україна опинилася у фокусі найалармістських світових подій сьогодення. У статті соціальна революція та соціальна реформа розглянуті не як доцільні «інструменти» у процесі чистіть боротьби за політичну владу, а як політичні засоби організації усемисливих соціальних перетворень в усіх сферах і галузях суспільного життя країни. В якості «емпіричного матеріалу» для аналізу взято дві пари номінітетів з контексту дилогії, – політичні реформи кінця ХХ – початку ХХІ ст., а також короткофазні помаранчева революція рубежу 2004 – 2005 рр. та євромайданова революція рубежу 2013 – 2014 років.

Ключові слова: дослідницька епістема, історіологічний метод, кратологема, політичний клас, політична кратологія, політична партія, політологема, правлячий політикум, теоретичний концепт, форма політичного правління.

Warzar I. The dilogy «revolution-reform» in theoretical and historiological reflections of current Ukrainian realities

This article, conceptually not emotionally, interprets a problem, somewhat forgotten from the Soviet times, of dialectic correlation of social revolution and social reform in the process of civilizational modernization of the country. The central and morphogenetic conception of the article is as follows: revolution and reform are not efficient means of struggle for political power, while they are political strategies of undertaking the social changes. Revolution and reform are investigated as unequivocally time-consuming processes, not impermanent acts and situational episodes. From any – conditionally taken – cycle of revolutions and reforms, approbated in sovereign history of Ukraine, profound political reforms end of XX – beginning of XXI centuries and economic reforms beginning of 2010th, as well as shortstaged Orange and Euromaidan Revolutions were taken for more detailed analysis, - no matter what the «easy-word» publicists and motivated opponents say about them.

Keywords: *cratologeme, ethnopolitical party, form of government, governing politicum, historiological method, political class, political cratology, political party, political reform, politilogeme, research episteme, social reform, social revolution, theoretical concept.*

УДК 323.22:159.9

Головатий Микола Федорович,

доктор політичних наук, професор, проректор з наукової та виховної роботи
Міжрегіональної Академія управління персоналом

**МАСОВА СТИХІЙНА ПОВЕДІНКА В ДЗЕРКАЛІ
СУЧАСНОЇ ПОЛІТИЧНОЇ ПСИХОЛОГІЇ: АНАТОМІЯ ЯВИЩА**

Масова стихійна поведінка людей є складним соціальним, психологічним феноменом. Поява, розвиток, закінчення масових акцій має свою логіку. Про неї і йдеться у даному матеріалі українського політолога.

Ключові слова: *суспільство, влада, політична психологія, масова поведінка.*

По великому рахунку нас турбує проблема масової, особливо стихійної поведінки великих груп людей, а у цьому контексті – феномен двох українських Майданів – 2004 і 2014 років, які можна і аналізувати, і порівнювати.

Спочатку вкажемо на те, що проблему масової поведінки людей активно розпочали вивчати лише з другої половини XIX століття. Виділяють дві основних наукових школи, які тоді сформувалися: а) німецька (психологія народів – В. Вундт, М. Лазарус, Г. Штейнталь); б) франко-італійська (психологія мас – Г. Лебон, Т.Гард, В. Парето, Ш. Сигеле). Ці школи досить відомі і проаналізовані.

В Росії це суб'єктивна психологія М. Михайлівського, колективна рефлексологія В. Бехтерева, геліопсихологія А. Чижевського, інші наукові течії і погляди. Вони також добре відомі.

У «радянську» добу проблема масової поведінки фактично не вивчалася, а скоріше заперечувалася. Суворо приховувалися і масові народні виступи, хоча вони, як відомо, були і далеко непоодинокі. Лише в кінці 60-х років XX століття до цієї проблеми з'явився, і то досить прихований, певний інтерес.

В XXI столітті масові прояви, дії великих груп людей примусили науковців надто прискіпливо вивчати це явище. Не виключення у цьому плані і український соціум, де масова стихійна поведінка стала майже буденним явищем, а не виключенням. Згадайте, бодай, численні так звані «кольорові» революції у Грузії, Киргизії, Україні та багатьох інших країнах світу. Чому? Яка природа, наслідки, загрози чи позитиви цього явища, цікавляться